

Rainer Grübel

В КОТЛОВАНЕ ПРОЗЫ. ПЛАТОНОВ, РОЗАНОВ И ДОСТОЕВСКИЙ НА ФОНЕ РЕЛИГИИ ИСКУССТВА

Искусство должно умереть [...]

Андрей Платонов, Из записных книжек¹

Отдалившись несколько, Вошев тихим шагом скрылся в поле и там прилеж полежать, не видимый никем, довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств.²

Платонов, *Котлован*

Платонов нам только-только предстает. Он нам еще предстоит [...]

Андрей Битов, *Литературная газета*, № 39, 23.09.1987

1. Проблемы исследования эстетики и нарратологии Платонова

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ автор «Котлована», а не котлована.
Неизвестный автор из русского интернета (ник: *blinclinton*)³

Повесть *Котлован* – один из сложнейших и наиболее загадочных текстов русской литературы, что показывают различные, нередко друг друга исключающие анализы, изложения и толкования этого текста. Хотя в настоящее время повесть является уже одним из немногих канонических произведений, изучаемых в российских школах,⁴ кажется, что в наше время критики, литературоведы и учителя его до сих пор до конца не исчерпали. Одна из причин этого лежит в слишком традиционном, часто еще сплошь миметическом отношении интерпретаторов к искусству и в применении не подходящей к творчеству Платонова классической эстетики. Его сочинения нередко читают или как традиционную прозу XIX века, или как позднереалистические рассказы горьковского типа.

¹ Платонов, «„Труд есть совесть“. Из записных книжек разных лет», Платонов 1988, 580.

² Платонов 2000, 62. (В дальнейшем *Котлован* цитируется по этому, на наш взгляд наилучшему изданию с указанием страниц в скобках.)

³ <Электр. ресурс: www.imho.ws/showthread.php?t=34167&page=2063 – Просм. 4.8.2008>

⁴ В 1987-1999 гг в Советском Союзе / России вышли 34 издания повести *Котлован*. В серии «Школьная программа» *Котлован* в 2007 году был опубликован 7-м изданием.

Так, например, не принимая во внимание то обстоятельство, что тезис о соответствии формы и содержания принадлежит к аксиологии классической, домодернистской эстетики, филолог Юрий Левин в плодотворной работе «От синтаксиса к смыслу и далее» пишет о своем изумлении перед

поразительным *единством* ее [т. е. повести «Котлован»] «*формы*» (языка и стиля) и «*содержания*», единством, необычным для прозы и, как представляется, достижимым только в поэзии – в ее вершинных проявлениях. Единство это столь велико, что, кажется, потянешь за любую ниточку (начать ли с эпитетов, или с каких-либо синтаксических особенностей, или, напротив, с какого-либо мотива или семантического поля) – и вытянешь все. (Левин 1991, 170; курсив мой, Р.Г.)

Однако, после тезиса о единстве «формы», т. е. языка и стиля с одной стороны и «содержания» текста с другой, сам Левин говорит не только о высокой мере поэтизации (и о низком уровне прозаизации?) повести, но и указывает на множество примеров «ненормативного использования» Платоновым русского языка. Но как в художественном тексте ненормативное употребление языка может образовать совершенное единство с его содержанием?

В введении в очень полезное научное петербургское издание повести *Котлован* В.Ю. Вьюгин приводит опасную, уже «хрестоматийную» фразу Платонова 1926 года («Мои идеалы однообразны и постоянны»), чтобы безоговорочно согласиться с ней и применительно к более поздней прозе; эта фраза, как пишет литературовед, «полностью [!] подтвердилась художественной практикой». ⁵ Мы постараемся показать, что константой в повествовательной манере Платонова является именно *текучесть* точки зрения рассказчика, текучесть, которой соответствует и подвижность идеологической, прежде всего философской и религиозной позиции автора.

Сергей Бочаров (1994, 25) в важной в нашем контексте статье «Вещество существования» обратил внимание на проблему выражения в прозе:

⁵ Вьюгин, Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова, Платонов 2000, 6. Редко цитируется необходимое продолжение цитаты: «Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. Именно – опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь моего Мозга, их бы не стали печатать [...] Смешивать меня с моими сочинениями – явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин...» (Платонов, 1988, 555). Вполне правильно Баршт (2000, 48) указывает на принципиальную разницу между публицистически-научными и художественными текстами Платонова. Только на абстрактном уровне его религии искусства они совместимы.

«Выражение – внутренняя проблема одновременно платоновской жизни и платоновской прозы». Но и он выбирает как основу анализа эстетику, которая не совсем совпадает с моделью художественного мира и с эстетической практикой Платонова. Это – философский, романтический стереотип *органического*.⁶

И для Платонова органично к характеристике, строящейся в этом плане сокровенного вещества, присоединяется, завершая ее, философская концовка о мире, «данном задаром». (Бочаров 1994, 41)

Хотя, без сомнения, Платонов в споре романтиков и просветителей стоит ближе к первым, чем к последним, он, как и Бахтин, искал выход из их противостояния. При этом он использовал сознание как противостоящее природе явление, а природу – как противостоящий человеку феномен. Готового языка в русской культуре для выполнения этой задачи Платонов не нашел и должен был сотворить его художественно, то есть искусственно, как *lingua artificialis*. Для достижения этой цели речь платоновской прозы скрещивает принципы поэтического языка с традиционным дискурсом прозы его времени.

Мы на основе аналитических результатов исследований Левина, Бочарова и др. предлагаем рассмотреть *Котлован* как текст, в котором язык и стиль *не* совпадают с «содержанием», т. е. ни с созданным (рассказанным) миром, ни с его смысловым истолкованием. А именно это *несовпадение* или даже *невозможность* совпадения слова с мышлением и мышления с миром, вследствие этого и *несовпадение* слова с миром является важным, если не самым главным (философским) «сообщением» повести. Кроме того, совмещение прозаичности повести с высокой поэтичностью придает *Котловану* гибридный характер. И только гибрид мог решить ту задачу, которую автор задал самому себе: сотворить текст, позволявший взглянуть на соотношение материи и духа в контексте философского дискурса и общественной ситуации XX века и на примере русской культуры конца 1920-х годов дававший представление о возможном или невозможном смысле современного мира.⁷ При этом я не вполне согласен ни с мнением

⁶ Идея органического в искусстве ведет свое начало от Шеллинга. Философ назвал искусство «единственным настоящим вечным органом [Organon]» (Schelling 1856, 349, 627).

⁷ Не случайно Бахтин именно в то время (в тридцатые годы) придумал концепцию гибридности романного дискурса. Термин «гибридных литературных форм» Бахтин (1975, 428) вводит в докладе, прочитанном 14 октября 1940 года в Институте мировой литературы Академии наук СССР, и в эссе «Слово в романе» (Бахтин 1975, 118). В последнем тексте мы и встречаем понятие «смысловой гибрид» (Бахтин 1975, 172). Ср. Паньков 2007.

Бродского, что в *Котловане* Платонов говорил «на языке данной утопии, на языке его эпохи» (Платонов 2006, 108), ни с тезисом Сейфрида, что «языковой произвол [который он, очевидно, находит в *Котловане*] является скорее врожденной чертой советской фразеологии» (Платонов 2006, 110).

Конечно, положение о том, что в текстах Платонова ищется выход из грубого противопоставления материализма и идеализма, никак не ново. Однако мысли о том, что не созданный (рассказанный) в них мир и не высказывания рассказчиков и героев, но сами тексты Платонова являются этим новым зрением, до сих пор не встречалось в работах платоноведов. Художественная речь платоновской прозы – не копия общественного дискурса его времени (как подсказывает пресловутая миметическая эстетика) и не произвол, но реализация и показ коммуникативной свободы, которая и препятствует совпадению соответственной эстетической практики с неоклассицизмом социалистического реализма и становлению Платонова как (прото-)соцреалиста.⁸

Мы не должны забывать о том, что Платонов дружил с Виктором Шкловским, представителем русского формализма. Здесь не предлагается формалистический анализ текста *Котлована*, хотя и это было бы небезынтересно. Здесь лишь выдвигается тезис о том, что те теоретики и философы, которые были известны русским формалистам, были знакомы и автору *Котлована*. Одним из них является французский философ Анри Бергсон.⁹ Не только книга Николая Лосского «Интуитивная философия Бергсона», вышедшая в первый раз в 1914 году в Москве, а затем в 1922 году в Петрограде, но и многие переводы сочинений Бергсона познакомили русского читателя с творчеством французского представителя философии жизни. Кстати, другим очень внимательным реципиентом бергсоновских концепций был не кто иной, как Михаил Бахтин.¹⁰

Недавно Константин Баршт установил связь между повестью *Котлован* и философскими концепциями Бергсона. Как он убедительно показал, именно книги „Matière et mémoire“ и „L' évolution créatrice“ играли решающую роль в идейном становлении русского писателя. Этим он дополнил взгляд Светланы Семенович (1979, 2001) и Михаила Геллера (1982, 30-54) на творчество Платонова как определенное в основном мышлением Николая Федорова, комплементарный показ Елены Толстой-Сегал (1994, 53-56) влияния А. Богданова, а также указание В. Вьюгина на рецепцию В. Вернадского (146). Однако, опять-таки к сожалению, ученый иногда следует

⁸ О Платонове как прото-соцреалисте ср. Seifried (1994).

⁹ О бергсонизме русских формалистов ср. Hansen-Löve (2001).

¹⁰ Бахтин критиковал идеализм Бергсона, его тенденцию перевести всю действительность в надстройку (Бахтин 2003а, 338-339; Bergson 1889).

упрощенной версии эстетики и упускает из виду принципиальную *вне*находимость (Бахтин) автора, т. е. Платонова, по отношению к процессу повествования, как к своим героям, так и к рассказанным событиям и их толкованию в тексте устами рассказчика. Баршт же отождествляет конкретного автора, т. е. Платонова, и его философское мышление не только с рассказчиком и его идеологией, но и с отдельными героями повести и их мыслями и высказываниями. Аналогичное упрощение мы наблюдаем порой в отношении философии Бергсона. Статья Баршта производит впечатление, будто Платонов нарисовал конкретную иллюстрацию к абстрактным идеям Бергсона о «веществе существования»¹¹ и к определению «разделения телесного и духовного» (Баршт 2006, 146). В самом деле, бергсоновское разделение *восприятия*, направленного на *вещество*, и *воспоминания*, связанного с *духом*, помогает понять мир *Котлована* и мысли его героев. Концепт Бергсона „elan vital“, т. е. «жизненного порыва»,¹² даже преодолевает финализм и детерминизм модели мира Гегеля и Маркса и в этом смысле совпадает с идеей неопровержимой свободы, которую Великий инквизитор в притче Ивана Карамазова у Достоевского ставит в вину Иисусу Христу. Бергсон требует от человека преодолеть застой логического разума и при помощи интуиции слиться с целым миром, чтобы найти дорогу назад от обозначенного пунктиром физического времени (*temps*) к непрерывному космическому времени (*durée*) природы. В этом отношении Бергсон – противник Просвещения.

Бергсон (2004, 147) различает три вида связи человека с миром: чистое воспоминание (*souvenir pur*), образное воспоминание (*souvenir-image*) и восприятие (*perception*) как предпосылку воспоминания. Высказывание рассказчика в *Котловане* о том, что профуполномоченный «не мог останавливаться и иметь созерцающее сознание» (Платонов 2005, 522), которое немецкий переводчик Кемпфе ложно понял как «самоанализ» (*Selbstanalyse*; Platonow 1989, 20), на самом деле соответствует понятию «восприятие» (*perception*) в философии жизни Бергсона. Кстати, то обстоятельство, что название третьей главы книги французского философа в оригинале гласит „La signification de la vie“, а в русском переводе «О смысле жизни. Порядок в природе и форма сознания», наводит на мысль, что Платонов читал не оригинал, а русский перевод.

К сожалению, Баршт не обратил должного внимания на то обстоятельство, что у Бергсона еще звучит пафос позитивизма:

¹¹ Баршт 2006, 145. Ср. Бочаров 1994.

¹² Ср. и высказывание на оборотном листе рукописи «Машиниста» «[...] а в основе мира лежит не стойкое вещество, а стремительное движение» (362).

Fabriquer consiste à informer la matière, à l'assouplir et à la plier, à la convertir en instrument afin de s'en rendre maître. C'est cette *maîtrise* qui profite à l'humanité, bien plus encore que le résultat matériel de l'invention même. (Bergson 2007, 184)

(Производить – значит давать материи форму по собственному усмотрению, превращать ее в орудие, чтобы стать ее господином / мастером. Именно это *господство / мастерство* и составляет преимущество человека в гораздо большей степени, чем материальный результат изобретения.) (курсив в оригинале; перевод мой, Р.Г.)

Такого оптимизма производства в *Котловане* уже нет: как заметил Иосиф Бродский (1973), повесть вызывает у читателя подавленное состояние.

Баршт также упустил из виду, что не только копание котлована (со строчной буквы) представляет собой творческий акт, но и само сочинение повести *Котлован* (с прописной буквы) есть „act creatrice“ Платонова в смысле Бергсона.¹³ Идея Прушевского (и рассказчика) о «вечно строящемся и недостроенном мире» (59) принадлежит именно Бергсону, а не Федорову, так как последний требовал *завершения* (т. е. и окончания) строительства мира. А отождествление самого „élan vital“, т. е. жизненного порыва, с Богом в концепции Бергсона дает основание понимать и повесть *Котлован* как творчество религии искусства. Религия искусства („Kunstreligion“) является результатом секуляризации, т. е. перевода фигур мышления, структур языка и приемов эстетической организации из области религии в сферу искусства. На этой основе мы можем сравнить *Котлован* с притчей «Великий инквизитор» в романе Достоевского, на которую, по нашему мнению, Платонов и дает современный ответ. Именно на этой основе имеет смысл сравнение мотива (Вавилонской) башни в текстах Платонова и Достоевского, о котором так содержательно написал Ханс Гюнтер.¹⁴

¹³ Здесь нет возможности в деталях проанализировать тезис Баршта (2007, 47-75) о «Штайнеровском слое в повести *Котлован*». Такой слой не очень легко совместим с тезисом о влиянии Бергсона на мировоззрение Платонова. Бергсон – теоретик модернизма, а Штайнер – огненный проповедник антимодернизма. Антропософ Штайнер стремится спасти домодернистский целостный взгляд на мир, который объединяет природу и культуру, тогда как Бергсон принимает разницу между природой и культурой (напр., неединство времени в форме *temps vs. durée*). Так как показ влияния Штайнера на Платонова опосредованный, условный, возникает опасность, что общие топосы времени принимаются как специфические взгляды эклектика Штайнера.

¹⁴ Günther 1993, Гюнтер 1995. Гюнтер указывает на материале мотива Вавилонской башни на возвращение Платонова через тексты Гастева и Луначарского (и против их) к антиутопическим мотивам Достоевского.

2. Постройка котлована как а-тектология, как «строй в ничто», как «у-ничто-жение»

Ich habe den Bau eingerichtet und er scheint wohlgelungen. Von außen ist nur ein großes Loch sichtbar, dieses führt aber in Wirklichkeit *nirgends* hin [...]

Franz Kafka (1970, 359), „Der Bau“.

Я устроил нору/(по-)стройку/ и она кажется удачной. Снаружи собственно видна только большая дыра, но она на самом деле *никуда* не ведет [...].

Франц Кафка, «Строй/(По-)Стройка/Нора» (перевод и курсив мой, Р.Г.)

Вошев: «Дом человек построит, а сам расстроится.» (26)

Так могилы роют, а не дома. (30)

Платонов, *Котлован* (курсив мой, Р.Г.)

Было бы недоразумением считать, что повесть *Котлован* рассказывает только о неудаче построения социализма в СССР. Будучи философским писателем, Платонов, конечно, имеет в виду не только постройку советского общества путем коллективизации и раскулачивания и советской промышленности путем централизации и индустриализации, но и проблему человеческой строительной деятельности как таковой.

Под вопросом, так сказать, находится и любая человеческая архи-тектура. Очень показательно, что в *тек-сте*, который обстоятельно повествует о постройке большого дома, слова «архитектор», «архитектура» и «архитектурный» нигде не встречаются. Отсутствует в этом тексте также и корень «*тект*», то есть сердцевина той знаменитой и пресловутой «Тектологии» А. Богданова (1913-1922), которая играла такую важную роль в умственной жизни молодого Платонова.¹⁵ Вместо этого читатель очень часто наталкивается на слово «*строй*» и на морфологически производимые от этого корня слова. Причиной этого является не языковой пуризм автора, рассказчика или героев Платонова, но философско-поэтическое обыгрывание слова и морфемы «*строй*» и концепции строительства. Оба они появляются в предложении, в котором о Вошове и окружающем его мире сказано: «Только теперь он увидел середину города и *стро*ящиеся устройства его. Вечернее электричество уже было зажжено на *постро*ечных лесах [...]» (26).¹⁶ Риторическая фигура тавтологии «*стро*ящиеся устройства [...] на *постро*ечных лесах» сама *постро*ена тем же параномазийным поэтическим приемом, при помощи которого футурист Велимир Хлебников *постро*ил свою поэзию. В повести корень «*строй*» встречается 78 раз с четкой тенденцией к убыванию: начальный оптимизм строительства в

¹⁵ Латинский эквивалент старогреческого корня «*тект*» в тексте встречается только в административном слове «инструктор».

¹⁶ Ср. параномазию «[постороннее пространство]» (Платонов 2000а, 42).

течение рассказа резко падает.¹⁷ Весьма показательно, что Платонов вычеркнул оптимистические высказывания первой редакции *Котлована по поводу строительства*: «Я [...] вспомню полностью то место, откуда стал весь свет и все люди? [...] вспомню смысл всего мира, – произнес Вошев с надеждой [...] – Я *устрою* человека» (Баршт 2000, 294; курсив мой, Р.Г.).

Весь пафос технического и эстетического конструктивизма, т. е. первого направления в мировом искусстве, которому именно русская культура дала имя, таким образом, подлежит деконструкции (*расстройству*). Все-таки в платоновском мире звучит музыкальный конструктивизм «марша строителей» (Платонов 2005, 522). Однако, в отличие от оптимизма всеобщего культурного конструктивизма, по тексту не только человеческие концепции, но и сам человек подвергается деконструкции (*расстройству*): «Дом человек *построит*, а сам *расстроится*» (курсив мой, Р.Г.). Слово «конструктивизм» в тексте также мало употребляется как корень «структ» (и это отсутствие является еще одним случаем применения поэтико-риторической фигуры литоты). В этом случае отсутствие действует как мифопоэтический акт умолчания: в рассказанном мире он разрушает *несказанное*. Имя «Вошев», которое я понимаю не только как поэтическое сгущение наречий «вообще»¹⁸ и «вотще», но и имени существительного «вещество», противопоставляется выражению «вещь» и идеологии «вещизма» конструктивистов Эль Лисицкого и Ильи Эренбурга.¹⁹

Архитектор, конструктор и буржуазный специалист Прушевский понимает, что в отличие от *живущего* вещества природы в руках строителя находится только *мертвое* вещество, вещь, и, что еще хуже с точки зрения философии, строители работают без размышления о том, что они делают: «Вдалеке светилась электричеством ночная постройка завода, но Прушевский знал, что там нет ничего, кроме мертвого строительного материала и усталых, недумаящих людей» (32). При этом глагол «знал» сигнализирует совпадение точек зрения персонажа и рассказчика.

Хотя зодчий в состоянии «предвидеть, какое произведение статической механики в смысле искусства и целесообразности следует поместить в центре мира», он *не* умеет «предчувствовать *устройства* души поселенцев общего дома среди этой равнины и тем более вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли» (курсив мой, Р.Г.). Неудача его воображения (говоря термином Бергсона, его интуиции) есть знак неосуществи-

¹⁷ В этой связи показательно, что Платонов первоначальное название романа «Строители страны» заменил титулом «Чевенгур».

¹⁸ Харитонов 1995, Крючков 1998.

¹⁹ Ср. пассаж из речи В. Шкловского на Первом Всесоюзном съезде советских писателей: «[...] мы, будучи конструктивистами, создали такую конструкцию, которая оказалась неконструктивной» (Шкловский 1934, 155).

мости его плана, а метонимическим образом – и пятилетнего плана вождя.²⁰

Показательно, что вместо корня «тек», который фонетически и графически содержится в пресловутом сталинском бранном слове «самотек», в повести часто встречается его эквивалент по внутренней флексии «ток»:

[...] Вошеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента [...] (110)

Корень «ток» является инверсией первого слога заглавия «Котлован». Кстати, этимология этого слова, хотя она очевидно связана со словом «Котел», до сих пор не совсем ясна.²¹

Рассказчик устанавливает разоблачающую связь между ленью ума и готовностью строительством разрушить изначальный порядок природы: «Инженер рассмотрел грунт и долго, по инерции самодействующего разума, свободного от надежды и желания удовлетворения, рассчитывал тот грунт на сжатие и деформацию» (37). Де-форм-ации подвергается не только почва.²² Рассказчик связывает активность немыслящего строителя с разрушением человеческой души:

Прушевский хотел это знать уже теперь, чтобы не напрасно строились стены его зодчества; дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой. Он боялся воздвигать пустые здания – те, в каких люди живут лишь из-за непогоды. (33)

Главный конструктор подсознательно стремится к тому, чтобы разрушенная почва, лишенная своей формы страна соответствовала его собственной, деформированной октябрьской революцией и большевизмом био-

²⁰ Ср. О де(кон)струкции плана в *Отчаянии* Набокова Grübel 2000.

²¹ «Котлован. Собственно русское. <...> Впервые отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона 1894 г. Как антропоним (Котлован, крестьянин из Новгорода) встречается в 1545 г. <...> В знач. «заключенное в шпунтовой (пазовой) свайной бойке место в воде для зачатки и кладки в нем мостового быка, устья и пр.» слово встречается в Словаре Даля 1880 г. (II, 178). Представляет собой суффиксальное образование от *котловый* <...>, являющегося производным с помощью суф. *-ов-* от *котел*. <...>» (Шанский 1982, 359. «Котел» в этом же словаре возводится к праславянскому *котьль, заимствованному из готского яз., в котором *katilus (ср. др.-в.-нем. kezzil, нем. Kessel) восходит к лат. *catinus* (или *catillus*) «блюдо, миска». (Там же, 358). М. Vasmer (1953, 645): „Котлован. 'Pfahlzahn für den Brückenpfeiler'. Dunkel.“ («Часток для опоры моста/мостового быка. Неясный. ») Ср. в рассказе «Впрок» последние слова Пашки: «[...] все мы кипим в одном классовом котле, и сок твоей жизни дойдет до меня» (Платонов 1988, 250; курсив мой, Р.Г.).

²² Ср. о котловане как символе «углубляющейся Могилы» Павловский 1991, 38.

графии: «[...] он [Прушевский] бы хотел, не сознавая, чтобы вечно строящийся и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь» (33). Таким образом мастер, *τέκτων*, *homo faber*, а именно *τέκτωνικός*, зодчий, строитель становится разрушителем, а *строй* – деструкцией, разрушением.

В согласии с отрицанием гегелевской и марксистской исторической необходимости у Бергсона, рассказчик разоблачает и концепцию человеческого строя большевистского активиста, а именно тем, что у того имеется и буржуазная жажда собственности, и религиозное стремление к вечности:

Активист наклонился к своим бумагам, прощупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания; он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье строил необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность, и – потому он сейчас запустел, опух от забот и оброс редкими волосами [...] (67)

Тезис о необходимом будущем активист, как и Маркс, позаимствовал у идеалиста Гегеля. Так как он исключает творческий акт человека, ни Бергсон, ни Платонов никогда не могли бы согласиться с ним. Строй фундамента дома неудачен, потому что здание строится именно по необходимости.

Сомнительный мотив строя формирует и «организационное строительство» (68), и внешнее поведение советских людей – «Утром колхозные босые пешеходы *выстроились* в ряд на Оргдворе» (76; курсив мой, Р.Г.) – и даже «конский *строй*» лошадей – «Напившись в норму» (77; курсив мой, Р.Г.). Во всем этом мы видим больше гротеска в смысле Гоголя и абсурдизма в манере Хармса, чем юмора в стиле Зощенко. У Платонова разрушение природы, которое необходимо связано с построением культуры и с культурой построения, мешает человеку понять порядок природы: «Управляя старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять» (29).

В повести *Котлован* устанавливается ряд возрастающей абсурдности:

Строение/стройка	настроение/настройка	надстроение/надстройка
Физ(иолог)ическая	психическая	идеологическая

Как значительно позднее в радикальном феминизме, в «строительской» последовательности даже нет ментальных границ между женщинами и мужчинами:

Активист желал бы еще, чтобы район объявил его в своем постановлении самым идеологичным во всей районной *надстройке*, но это желание утихло в нем без последствий, потому что он вспомнил, как после хлебозаготовок ему пришлось заявить о себе, что он умнейший

человек на данном этапе села, и, услышав его, один мужик объявил себя бабой. (84, курсив мой, Р.Г.)

Настроение отрицается как бы само по себе: «Люди не желали быть внутри изб – там на них нападали думы и настроения, – они ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга [...]» (74). На место настроения вступает расстройство.

Если Прушевский спрашивает самого себя: «Изо всякой ли базы образуется надстройка?» (33), то у убивающего по собственному произволу Чиклина, фамилия которого близка к глаголу «чикать» (расстреливать) и к названию «Чека», обнаруживается отрицательное влияние нового строя даже на память людей:²³

Чиклин долго глядел в ликующую гущу народа и чувствовал покой добра в своей груди; с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого масштаба, печальность замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше. (97-98, курсив мой, Р.Г.)

В конце концов главный строитель сам связывает раскопки котлована с разрушением. «Далекий масштаб», конечно, отвечает на критику Платонова раповцем Авербахом (1929) «О целостных масштабах и частных Макарах».

В строе рассказа семантическое отрицание проявляется в форме языкового отрицания и в предлоге, и префиксе «без». В среднем отрицательная частица «не» на каждой странице употребляется не меньше шести раз, «без» мы встречаем на каждой, а характерное для восточнославянских языков двойное отрицание в форме «нет ничего» почти на каждой странице. Эти отрицания придают и самому тексту основной оттенок отрицательности. Отрицается не только любовь (она показывается только в виде нарциссизма инвалида или почти как у Заратустры Ницше (Nietzsche 1980, 68) в форме любви к дальнему, как у Прушевского: «я всегда не узнавал своих любимых, а вдалеке томился о них» (Платонов 2000а, 56).

Особый вид отрицательного отношения к историческому миру двадцатых годов в *Котловане* «присутствует» в форме «гласного отсутствия», т. е. явным умолчанием. Так как по наблюдению Вьюгина²⁴ во всех длинных прозаических текстах Платонова звучат колокола, отсутствие их звука в

²³ В этой связи особенно интересно, что Чиклин в первом варианте носил имя автора (Климента). Ср. заметка «[Чиклин – Клим<ентов>]» (Платонов 2000а, 44). Ср. о фамилии Чиклина: Харитонов 1995, 155.

²⁴ Ср. Баршт 2000, 153.

Котловане, в тексте, повествующем о времени, когда по политическим соображениям коммунистической партии множество колоколов было разрушено,²⁵ особенно «кричит».

Неудивительно, что и постройка самого котлована кончается ничем. Чиклин говорит: «мы все живем на пустом свете». Дело не столько в том, что сам котлован, пустое место рождения, становится местом смерти, сколько в том, что эта яма никогда не наполняется и никогда не будет наполнена. Она – не только физический фундамент без надстройки но и идеологическая надстройка без базы. Именно важная роль ничего,²⁶ пустота²⁷ пространства и отсутствие присутствия отличают притчу *Котлован* от философии Бергсона. Эпштейн (2006) показал, как восприятие «ничто» у Платонова осуществляется и параллельно с мышлением Хайдеггера, и независимо от него. Но мне кажется, что Платонов шел дальше немецкого философа, потому что у него народный философ Вошев испытывает ничто не только как опыт боязни (Angst), как у Хайдеггера, но и как исходный пункт жизни:

До самого вечера молча ходил Вошев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. Однако ему по-прежнему было неясно на свете, и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где *ничего* не было, но *ничто ничему* не препятствовало начинаться. Как заочно живущий, Вошев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали. (26; курсив мой, Р.Г.)

У Бергсона тематизация «ничего» связана с отрицанием концепта *creatio ex nihilo*, творчества из ничего. Если мышление Федорова и молодого Платонова стремилось к преодолению смерти, к ее удалению из жизни, во имя сотворения вечной человеческой жизни, то *Котлован* же, как и экзистенциалистическая философия Хайдеггера идейно снова влечет смерть в жизнь людей.²⁸ В котловане как фундаменте стройки в конечном счете

²⁵ Михаил Пришвин (412) записал в свой дневник: «1929. 22 ноября. В [Троицкой] Лавре снимают колокола, и тот в 4000 пудов, единственный в мире, тоже пойдет в переливку. Чистое злодейство, и заступиться нельзя никому и как-то неприлично: слишком много жизней губят ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокол...» «28. Января [1930]. Падение <Годунова> (1600-1930) в 11 утра» (Пришвин 1990, 418).

²⁶ Подорога (2003) говорит об «исчезновении»: «Платоновский землекоп – фигура *исчезновения*, он готов лишь истощать свои живые силы ради другой жизни, которая придет после смерти всех тех, кто испытал это великое перенапряжение».

²⁷ Ср., однако, его афоризм: «Искусство не терпит пустоты, – оно должно быть заполнено жизнью и людьми, как поле травой», Андрей Платонов, «Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет, Платонов 1988, 587.

²⁸ Ср. о близости Платонова к Хайдеггеру: Золотоносов 1994, 246-247.

смерть убивает жизнь. И в этом суть отказа Платонова от утопии в этой повести.

3. Смесь дискурсов (времени, рассказчика, персонажей, вещей), смесь стилей и смесь аксиологий

Und so kann ich diese Zeit hier ganz auskosten und sorglos verbringen, vielmehr, ich könnte es und kann es doch nicht. Zuviel beschäftigt mich der Bau.

Franz Kafka, „Der Bau“ (1970, 367)

И так я могу испить до дна это время и провести его без забот, скорее, я мог бы и все-таки не могу. Слишком занимает меня строй/(по)стройка/нора.

Франц Кафка, «Строй/(По)Стройка/Нора»²⁹

Писать надо не талантом, а «человечностью» – прямым чувством жизни.

Андрей Платонов, «Труд есть совесть» (1988, 580)

Хотя литературоведы и критики много писали о том, что в текстах Платонова мы находим многоязычие или даже «углоссию», то есть несуществующий до сотворения текста язык, исследователи до сих пор упускали из виду то обстоятельство, что в Ветхом Завете за построением Вавилонской башни как наказание от Бога последовало именно смешение языков. Таким образом, согласно концепции иудео-христианской религии разрушение правильной, удачной коммуникации является следствием того, что людям хочется стать богами. Не случайно переоценка своих сил и высокомерие людей и у Платонова в общем, и в *Котловане* в особенности, связаны со смешением языков. Однако, у Платонова не каждый герой говорит своим языком, и в его текстах имеет место не языковая характеристика «couleur locale», но гибридное смешение языков и дискурсов эпохи.

Так в сочетаниях «пятилетний план» и «промфинплан» слово «план» в тексте выступает как элемент дискурса советской администрации. В словах инженера Чиклина же «За тою дверью находилось забытое или не внесенное в план помещение без окон, и там горела на полу керосиновая лампа» звучит отголосок современной, хотя и дефектной, архитектурной техники. И в изречении Вощева «О плане жизни» мы в свою очередь встречаем точный отклик на философский дискурс Бергсона, в котором речь идет о «плане жизненной организации» (plan d'organisation vitale, Bergson 2007, 25). Кстати, и язык рассказчика, повествующего о Вощеве – «и только собирал в выходные дни всякую несчастную мелочь природы как документы *беспланового* создания мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания» (49; курсив мой, Р.Г.) – отсылает к размышлениям

²⁹ Перевод мой, Р.Г. Рассказ, написанный в 1923-1924 годах, является последним произведением Кафки (впервые опубликован в 1931 году).

Бергсона о том, что мир сам по себе построен без плана и что только живущее вещество придает космосу строй.

В употребляемом «счастливой девушкой» слове «архилевый» (79) слышится отзвук полемического изречения Ленина (1970, 295) 1914 года о писателе Винниченко: «архискверное подражание архискверному Достоевскому».³⁰ О вполне иной оценке прозы Достоевского у Платонова еще пойдет речь. С точки зрения же истории культуры и производства текста повесть *Котлован* находится в бездне, и эта бездна лежит между дискурсами Сталина «Год великого перелома. К XII годовщине Октября» 7 ноября 1929 г.³¹ и «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», 2 марта 1930 г.³² На этом пустом уровне текст Платонова является рискованным памфлетом, показывающим, что именно дискурс Сталина – его самостилизация (и самосталинизация) как Мессия строя – предпринятым переломом и породил то сумасшедшее утопическое мышление, которое сам вождь спустя четыре месяца подверг критике как «Головокружение от успехов». Как и поэт Анна Ахматова, прозаик Платонов определяет свою жизненную позицию путем противопоставления себя политическому лидеру, который эту оппозицию вполне осознавал.

Начальное предложение первой «статьи» Сталина устанавливает тему «строя»: «Истекший год был годом великого перелома на всех фронтах социалистического *строительства*». В то время как имя существительное «строительство» содержит в своей корневой части слово «строй», корнем имени существительного «перелом» является слово «лом». Этот, связанный с разрушением, корень заглавия цитируется и переакцентируется в повествовании рассказчика о Чиклине, чья связь со словом «лом» в повести последовательно развивается.

Но Чиклин его опередил – он давно оставил лопату и взял *лом*, чтобы крошить нижние сжатые породы. Упраздняя старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять.

От чуждости глины и сознания малочисленности своей артели Чиклин спешно *ломал* вековой грунт, обращая всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам. (29, курсив мой, Р.Г.)³³

³⁰ Выражение Ленина употребляет и Валентин Катаев в прозе «Алмазный мой Венец». Ср. и выражение «„левые“ фразеры» в первой из указанных ниже статьей Сталина.

³¹ Сталин, 1929. Харитонов (1993) предлагает дополнительную современную политическую конфигурацию к полемике вокруг первых пятилетий.

³² Сталин, 1930. Ср. о соотношенности повести с политическим дискурсом времени, Харитонов 1993, Золотоносов 1994, 272-283, особенно диалог со Сталиным (Золотоносов 1994, 274, Платонов 2000, 140-162 и Дужина 2008). Ср. и письмо Платонова Сталину, Хлебников (ред.) 1999.

³³ Ср. и: «Чиклин, *не* видя ни птиц, ни неба, *не* чувствуя мысли, грузно разрушал землю *ломом*, и его плоть истощалась в глинистой выемке, но он *не* тосковал от усталости, зная, что в ночном сне его тело наполнится вновь» (31). «Чиклин без спуску и проме-

Уже второе предложение текста Сталина вводит тему успеха, от которого же в последующем официальном сообщении вождь сам был вынужден отречься: «[...] дало нам ряд решающих успехов в основных областях социалистической перестройки [...] народного хозяйства» (*Правда*, 259, 7 ноября 1929). Может показаться иронией истории тот факт, что советский вождь годом позже на полях страниц рассказа «Впрок» (Платопнов 1982) назвал автора, т. е. своего литературного противника, именно тем именем, которым калека Жачев позже назовет Козлова: «сволочь» (45). В своем изречении калека вначале определяет план котлована как «чушь»: «— Я по тебе соскучился, — сообщил Жачев, — меня нахождение сволочи мучает, и я хочу спросить у тебя, когда вы состроите свою чушь, чтоб город сжечь!» (41) Бранное слово «сволочь» встречается между прочим в *Котловане* не меньше двенадцати раз!

Михаил Геллер (1982, 272-282) обратил внимание на тот факт, что язык *Котлована* разрушает границу между письменной и устной речью. Однако, это явление только часть того более общего феномена, заключающегося в том, что в повести нет границ между личным и официальным дискурсом. Будучи лишеными личной речи, люди лишаются и своей личности.

В повести *Котлован* мы наталкиваемся не только на смешение дискурсов и языков, но и на смесь стилей и манер рассказа. Если у Достоевского в романе *Братья Карамазовы*, наполненный оценками стиль жития в текстах Алеши, еще ясно отличается от безоценочного аналитического стиля Ивана, то в повести Платонова жанр жития совмещается почти скандальным образом со стилем неоченивающего, дистанцированного, холодного наблюдателя. О холоде часто идет речь в повести, причем не только в физическом и физиологическом смысле, но и в переносном, психическом и идеологическом: «Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал точную нежность и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов» (59).

Чувства, точнее, выражения чувств, которые мы не встречаем у рассказчика, проявляются странным образом через саму жизнь и живую природу. Кстати, такой несентиментальный или даже противосентиментальный рассказчик как в *Котловане* присущ и немецкому стилю Новой вещественности того времени. Валерий Подорога (1989) назвал этого безучастного к описываемым событиям рассказчика «Чевенгура» «евнухом

жутка громил ломом плиту самородного камня, не останавливаясь для мысли или настроения, он не знал, для чего ему жить иначе — еще вором станешь или тронешь революцию» (35). «[...] Чиклину захотелось рыть землю, он взломал замок с забытого чулана, где хранился запасной инвентарь [...]» (114). «Чиклин взял лом и новую лопату и медленно ушел на дальний край котлована» (115, курсив везде мой, Р.Г.).

души». А ближе Платонова к Новой вещественности в русской литературе стоит по моему мнению только проза Замятина.

Смешение повествовательных манер, а именно авторской и персонажной, придает следующим предложениям гибридный и текучий характер:

Воцев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее. Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге – в природе было такое положение. (21)

В то время как в первом предложении цитаты рассказчик не проявляет никакого сочувствия к Воцеву, человеку, который только что лишился места работы (хотя тремя годами раньше сам автор был уволен с работы советскими начальниками), то в следующем предложении союз «но» принадлежащий устам рассказчика, передает разочарование персонажа, а во второй его части обстоятельством «бережно» рассказчик противопоставляет антропоморфизированные отношения, наблюдаемые им в природе, в данном случае это деревья, безчувствию людей. И пустота воздуха уже предвещает о пустоте котлована, о пустоте фундамента и тщетности ментальной человеческой стройки.³⁴

Сам Платонов занимает позицию *вне* персонажа и рассказчика, когда он пишет в своей записной книжке: «Воцев не заметил, как прожил без смысла жизни» (Платонов 2000а, 43). Абстрактный же автор (по русской терминологии: «образ автора»), как инстанция, ответственная в том числе и за поведение рассказчика, движется свободно, приближаясь к персонажу или удаляясь от него. Упорная работа автора над текстом показывает, что эти сдвиги в отношении персонажей не произвольные движения, но сознательные и контролируемые творческие акты.

В синтагме речи рассказчика «Из неизвестного места подул ветер, чтобы люди не задохнулись» (22) интенциональность, присущая людским отношениям, проецируется на природу. Вопрос, является ли эта проекция творческим актом Воцева или рассказчика, не может быть решен однозначно. А так как она, по аналогии с фигурой мышления Бергсона – «*élan vital*» как божественная энергия, приписывает природе заботливость христианского Бога, то эта *нерешаемость* играет в идейном мире *Котлована* решающую роль.

Гибридная зона точек зрения проявляется и в области ценностей. Выражение «ненужный труд» Воцева в предложении «Ему снова предстояло жить и питаться, поэтому он пошел в завком – защищать свой *ненужный* труд» (22) не только цитата чужой речи администрации «небольшого механического завода» и «завкома» с точки зрения главного персонажа пове-

³⁴ Ср. о речи рассказчика и о речи персонажа: Ходель 1998.

сти, но и элемент идеологии рассказчика. Таким образом, уже в начале повести возникает горизонт, в котором труд человека *может быть* не нужен или на самом деле *уже* не нужен. В отношении идеологии марксизма, согласно которой место человека в обществе определяется именно его работой, такая констатация, конечно, разрушительна – но она разрушает (как, в другом контексте, философия Малевича) и марксистскую идеологию работы.

Большей частью безоценочное повествование рассказчика³⁵ – и чеканка рассказа отрицаниями и направлением в «ничто» дают все основания говорить о том, что Платонов в повести *Котлован* не только творит рассказчика, который повествует о котловане, но создает и своего рода котлован рассказа.

Сомнение и скепсис авторской мысли в отношении материального строительства в повести *Котлован* не совместим со строительным оптимизмом в написанном в то же время рассказе «Государственный житель» (Платонов 1988, 312-319). Ни либретто «Машинист» (309-322), ни псевдо-репортаж «В поисках будущего» (364-371) не обнаруживают того критического отношения к идеям устройства и конструирования, что присутствует в повести *Котлован*. Таким образом автор Платонов испробывает разные возможности нарративного габитуса в отношении насущных вопросов своего времени.

Этой работой в котловане рассказа достигается свобода не только рассказчика, но и абстрактного автора. Таким образом, я согласен с Ольгой Меерсон (2001, 5-7) в том, что (творческая) свобода является центральной идеологемой повести. Но я не убежден в том, что она производится тем приемом *неостранения*, о котором она пишет. И фамиляризация уже может быть *остранением*, когда дистанцированное сообщение о предмете принадлежит коммуникативной конвенции. Примером этого у Шкловского (1969, 24-26) служит эротическая тематика, которая в *Котловане* сильно подавлена. В том случае, когда, вопреки традиционному ожиданию, необычное и новое становится «обыкновенным» (именно так Меерсон определяет *неостранение*), на наш взгляд можно говорить об *остранении* второй степени. В поисках неотчужденной речи Платонов прибегает к двойному *остранению*: ожидаемое становится неожиданным.

Заметки в записных книжках Платонова (2000а, 44) «*Юлия, угроблю!*»³⁶ и «Ни тинь-ти –лю-лю» (Платонов 2000а, 318) показывают поэтический, непричинно-логический тип мышления без установки на точку зрения: «*Любовь*» противопоставляется «*гробу*». Бергсон говорил бы об интуиции. Нельзя с уверенностью сказать: приводит «Юл» к «лю» или «лю» к «Юл»,

³⁵ Бахтин (2003, 125, 800) упрекал философа Бергсона в том, что тот избегал оценки.

³⁶ Зачеркнуто в оригинале. В *Котловане*: «Эй, Юлия, угроблю!» (55).

но инверсия показывает и неуместность смерти Юлии. Другой пример инверсивной паронимазии «гроб»-«орг»-«двор», которая дискредитирует и корень «орг» и концепцию органического, определяющую частичное, индивидуальное, маленькое в зависимости от целого, собранного, большого.³⁷ Однако, с философской точки зрения, надо сказать, что Платонову не вполне удалось и вероятно и не могло удасться конечное решение проблемы <частичного и целого> или <человека и космоса>. Или говоря с точки зрения его религии искусства: каждый его литературный текст есть новый своеобразный эксперимент в поисках такого решения.

В прекрасной статье «„Чевенгур“ и „Котлован“» Валерий Вьюгин (2000, 615) указал на близость художественной техники Платонова к концепции сновидения Фрейда и подробно продемонстрировал употребление приема сгущения. Оге Ханзен-Леве (Hansen-Löve 1982) в своей работе о поэтическом языке (который я считаю собственным «медиумом» литературы наряду с медиумами прозы и драмы, Grübel 2008a) развертывал и фрейдовские приемы сдвига и символизации как основные приемы поэтического языка. Языковые аномалии в прозе Платонова в их большинстве – поэтические сдвиги. А тяга избежать понятия, которую так наглядно показал Вьюгин на примере вычеркивания слова «истины» в окончательной версии текста, вполне совпадает с тенденцией к символизации, т. е. к показу абстрактных явлений на примере конкретных вещей. Эта работа «овеществления» ментальных концепций приближает поэтизированную прозу Платонова к Новой вещественности и преднамеренно отодвигает эту прозу от философской литературы в узком смысле.

В *Котловане* тенденция к овеществлению,³⁸ т. е. к господству вещества, корреспондирующая со стилем Новой вещественности,³⁹ пересекается с тягой к преодолению зависимости от материи, т. е. с господством памяти и воображения, которая, в свою очередь, корреспондирует со стилем сюрреализма.⁴⁰

В повести *Котлован* имеет место и смешение ценностей. Как уже показал Михаил Геллер (1999), здесь малое оказывается великим и великое малым. Неслучайно Делез (1966) и Гуаттари (Делез и Гуаттари 1991) указали на особенность философии Бергсона – отсутствие разницы между малым и большим. Бергсон продолжил творчество новой аксиологии Ницше, аксиологии эквивалентности. Очень последовательное применение аксиологии эквивалентности мы обнаруживаем в прозе Платонова конца двадцатых и начала тридцатых годов.

³⁷ Именно замену различия большого и маленького их безразличием назвал французский философ Делез (1966) заслугой Бергсона.

³⁸ Турбин (1965) говорит о доаналитическом характере слов у Платонова.

³⁹ Ср. о близости «Чевенгура» к Новой вещественности: Grübel 2004.

⁴⁰ О сюрреализме Платонова написал впервые Бродский (1973); подробно о «сюрреалисте» Платонове писала на примере «14 красных избушек» Любушкина (1995).

Основа «равн-» встречается в среднем на каждой странице, а оборот „все равно», прежде всего в середине текста (30-105), на каждой второй странице. При этом оборот «все равно», как противительная частица обозначающий противопоставление, один раз употребляется таким образом, что он получает свое первоначальное, уравнивающее значение; именно в данном случае он разделяет жизнь и смерть: «– Тебе же все равно где жить, – сказал Чиклин, – лишь бы не умереть» (75). Адресат этой речи рабочий-старик с кафельного завода.

Хотя платоновское производство всех этих гибридов и этих смесей – огромный творческий акт в смысле Бергсона, он, в отличие от дискурса французского философа, включает «ничто», пустоту и молчание, а именно – большое ничто смерти в поле человеческой коммуникации. А так как и это ничто, и эта смерть связаны с миром в целом, с концом искусства и с концом истории, с „*èlan vital*“ в своей совокупности, они входят как основополагающие части и в его религию искусства.

4. Котлован как творчество религии искусства на фоне аналогичных проектов Достоевского и Розанова

Душа мира – удивление.

Платонов, [Чтобы стать гением будущего] (2003, 28)

Смысл из пустоты.

Платонов (2000а, 30)

Как хороша жизнь, когда счастье недостижимо [...]

Платонов, Дневник 1930 года (2000а, 42)

Все возможно – и удастся все, но главное – сеять души в людях.

Платонов, «Труд есть совесть» (1988, 587)

Валерий Подорога рассматривает платоновского строителя не как исторического человека, а как существо идеальное: «Платоновский землекоп приговорен к смерти (истощению от непосильного труда), ибо он существо идеального, а не актуального». Это точка зрения философа на текст литературы. На самом деле вопрос смерти и воскресения в повести *Котлован* не решен. Есть Смерть, но есть и надежда на Бессмертие или даже ожидание Воскресения: «Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет – воскреснуть хочет» (100). Но такие надежды и ожидания выходят за рамки философии надежды типа Эрнста Блоха (Bloch 1954-1959) или науки воскресения: они лежат в поле религии, в этом случае в поле религии искусства.

Сам Платонов определил религию и науку, как «попытки слияния мысли с миром».⁴¹ Будучи в раннем возрасте убежденным, что со временем наука заменит религию, он однако предостерегал своих современников от убеждения, что наука их времени уже готова к такой задаче. И сама повесть *Котлован* – конечно не научный текст, но блестящий творческий акт религии искусства. В ноябре 1921 года Платонов написал «Новое евангелие»,⁴² в котором он говорит о космической катастрофе засухи. Она требует «первой заповеди техники»: «уничтожить природу такую, какая есть и из ее хаоса создать иную – свою, человеческую [...]» (Платонов 2004, 192). И еще в ранней версии *Котлована* космос пассивен: «Пассивное небо давно уже покрывалось звездами, точно происходило их безысходное заседание [...]» (Платонов 2004, 264).

В своем дневнике 1930 года Платонов записал (и вычеркнул): «Социализм пришел серо и скучно / (коллективизация) / как Христое.» Это сравнение социализма с Иисусом, которое в самой повести разворачивается⁴³ никак не случайно. Образ серого и скучного пришествия Иисуса Христа Платонов мог позаимствовать у Василия Розанова. В его текстах он мог и повстречать ту «религию жизни», которая помогла ему творить свою собственную религию искусства.

Как Розанов, так и Платонов не разворачивал свою религию искусства в соответствии с официальным православием, но с восточнославянской ересью или с так называемым «народным верованием».⁴⁴ Об этом писалось ранее. Платоновская художественная религия зиждется на соотносительности человека с космосом и, таким образом, стоит в традиции русского космизма. Но *Котлован* Платонова отличается от традиционного космизма уже тем, что, опять-таки, словесные корни «косм-» и «вселен-» в повести нигде не встречаются. Встречаются же конкретные случаи соотносительности отдельного человека с небом или с солнцем: «Вопрошающее небо светило над Вошевым мучительной силой звезд [...]» (22).⁴⁵

⁴¹ Платонов, «О Любви», Платонов 1988, 539-542, здесь 541.

⁴² Ср. в смысле дополнения аналогичный, но в смысле цели в то же время отличающийся план «Третьего завета» Мережковского и Гиппиус.

⁴³ Платонов 2000а, 41. Ср.: «Вошец приблизился к Чиклину с обыкновенным недоумением об окружающей жизни.

– Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете – скучно и босой.

– Они потому и идут, что босые, – сказал Чиклин. – А радоваться им нечего: колхоз ведь житейское дело.

– Неуже Христос тоже, наверно, ходил скучно, и в природе был ничтожный дождь.

– В тебе ум – бедняк, – ответил Чиклин. – Христос ходил один неизвестно из-за чего, а тут двигаются целые кучи ради существования» (76).

⁴⁴ Вьюгин 2004, Чекоданова 1991, Кубо 1997, Günther 1998.

⁴⁵ Ср.: «неотлучное солнце безрасчетно расточало свое тело на каждую мелочь здешней, низкой жизни, и оно же, посредством теплых ливней, вырыло в старину овраг, но туда еще не помещено никакой пролетарской пользы» (36).

Как в религии искусства Розанова, так и в художественной религии Платонова солнце и для человека, и для земли является центром вселенной. В отличие от солнца мифотворца Розанова, который в традиции египетской культуры передает его метафорически, как око, у Платонова⁴⁶ эта звезда может и не интересоваться нашей планетой и даже не смотреть на нее: «[...] солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовой бедностью земли [...]». Эта слепота и равнодушие солнца в отношении земли являются самой острой критикой строительства котлована: Природа не занимается историей.

Острота этой критики обусловлена тем, что религия искусства Платонова переводит сострадание человека ко всему существу, развитое в религии искусства Достоевского (а именно в учении Зосимы и в мировоззрении Алеши), в сострадание всего сущего ко всему существу. В мироощущении зрелого Платонова это сострадание заступило на место (классовой) ненависти. Если у Розанова такая ответственность сосредотачивается на семейном круге и распространяется только в родовом смысле и на (русскую) нацию, то у Платонова эта ответственность распространяется на все человечество. Оно не исключает ни классового врага, ни расового или полового другого.

В философии религии Платонова центральная категория, управляющая соотношением между явлениями и вещами это – *возможность*. А вещественная возможность – коррелят человеческой свободы. После книги «О понимании» Розанову хотелось написать книгу о возможности. Для Платонова жизнь – невыбранная возможность. Открытую возможность Розанов показал как выбор политических точек зрения в журналистике. Платонов расширил эту свободу и на позицию образа автора и рассказчика. Текущая позиция рассказчика внутри прозаического текста и позиции абстрактного автора между разными текстами открывает новые возможности прозы. Отказ получает и Великий инквизитор в ответ на предложение раз и навсегда выбрать позицию слабого человека, который не может самостоятельно решить главные вопросы, и большевики в ответ на свое предложение, раз и навсегда выбрать одну сторону в классовой борьбе: *Tertium datur*. *Котлован* показывает страшные расходы коммунистического переворота, коллективизации и индустриализации страны.

В отличие от религии жизни Розанова религию Платонова условно можно назвать религией смерти. На оборотном листе рукописи «Машиниста» он начертает свою религию жертвы:

Через смерть природа открыла дверь для жизни и для ее дивного венца – человеческой мысли. Не будь смерти, первый же изначальный гад заселил бы всю землю, а затем подход бы от собственной тесноты

⁴⁶ Ср.: Золотоносов 1994.

и недостатка пищи. Тогда бы наша планета никогда не родила человека... (362)

Согласно Платонову только смерть открывает возможность бессмертия, которое он представляет как «короткое, как миг, но равное вечности» (361).

В *Котловане* палиндроматическая паронимазия «жертв» – «врежд» придает центральному мотиву жертвы положительную оценку. Отрицательному повреждению –

Чиклин внимательно всмотрелся в ребенка – не поврежден ли он в чем со вчерашнего дня, цело ли полностью его тело; но ребенок был весь исправен, только лицо его горело от внутренних младенческих сил. (106; курсив мой, Р.Г.)

– противопоставляется положительная *жертва*:

Вощеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть истину из земного праха; обездоленный, Вощев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, – и чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью. (28; курсив мой, Р.Г.)

В отличие от экономической категории инвестиции, жертва – религиозное понятие. Жертвы приносят богам / Богу. В старые времена и евреи замуровывали младенцев как жертв в новостройку. Когда Ахиил Вефилянин построил Иерихон, тогда «на первенце своем Авираме он положил основание его, и на младшем своем сыне Сегубе поставил ворота его, по слову Господа, которое Он изрек чрез Иисуса, сына Навина» (3 Царств 16:34).⁴⁷

Дионисийский культ жертвы противостоит аполлонскому и аполлиническому культу дара. Идеология *Котлована* тяготеет к культуре жертвы.⁴⁸ Если – как в религии – жертва может спасти человечество, то дар в фигуре полиндромической паронимазии *дар – рад* может дать лишь *радость*: «Желая обрадовать Настю, медведь посмотрел вокруг – чего бы это схватить или выломать ей для подарка?» (91; курсив мой, Р.Г.).

Религия искусства Платонова исходит от положения Ницше о смерти Бога и о становления человекобога:

⁴⁷ Ср. Иисус Навин 6:25. Ср. и упомянутую в романе Томаса Манна *Иосиф и его братья* (1933) жертву первого сына Лабана и Адины в глиняном кувшине, в фундаменте их дома (Mann 1991, 231).

⁴⁸ Об оппозиции культуры жертвы и дара в русском модернизме ср. Grübel 2004.

«Бог умер, теперь хотим мы, – чтобы жил сверхчеловек» Ницше, т. е. Бог умер [зачеркнуто А. Платоновым] приблизься ко мне, стань мною, но самым лучшим, самым высшим мною – сверхмною, сверхчеловеком. Это просто «реализация Бога» как и все учение о сверхчеловеке.⁴⁹

В этом смысле его художественно-религиозная таблица отличается от религии искусства Достоевского. У Платонова этимологический ряд «крестьянин» «Крестинин» «христианин» говорит о том, что бывший семинарист Сталин под флагом раскулачивания вместе с крестьянством истребляет и христианство.⁵⁰

Как *Великий инквизитор* Ивана Карамазова так и притча *Котлован* содержит отказ от ложного спасения постройкой: «[...] все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована».⁵¹ Строй останавливает время, и от останавливаемого времени и от холода умирает Настя,⁵² т. е. надежда на спасение, на воскресение. (Имя «Анастасия» обозначает «воскресшую».) Как в этике Ивана смерть ребенка снова является доказательством неосуществимости «Большой стройки».⁵³

Если в религии искусства Платонова как в философии Бергсона творческий акт производит новое, то память (*mémoire*) сохраняет прошлое в современном и современное в будущем. И у Платонова память служит точкой пересечения вещества и сознания. Здесь пространство (вещество) и время (сознание) встречаются. Однако, по Делезу Бергсон отрицает традиционное мышление о движении истины вспять, о том, что бытие, порядок и существующее как бы предшествуют самим себе или же предшествуют предопределяющему их творческому акту, проецируя образ самих себя назад в возможность, в беспорядок и в небытие, считающиеся изначальными.

Кроме религиозного воскресения в христианском смысле, которое Платонов отвергает, в его текстах имеет место и биологическое и спиритуальное воскресение. Биологическое воскресение выступает только в записной книжке, а не в тексте *Котлована*: «Мертвецы в котловане – это семя будущего в отверстии земли» (Платонов 2000а, 43). Зато сама повесть *Котлован* работает как машина памяти – Настя, т. е. воскресшая, сама воскресает в творческом акте рассказа притчи и ее прочтения читателем. Об этом

⁴⁹ Свительский 1993, 92.

⁵⁰ Ср. Золотоносов 1994, 278.

⁵¹ Платонов 2000, 115. Ср. Малыгина 1998.

⁵² Ср. Баршт 2000, 154.

⁵³ Если в романе Достоевского постройка Нового общества (модель Великого инквизитора в притче Ивана Карамазова) отделена от постройки вавилонской башни и сам читатель должен их соединить, то в притче Платонова они обе совпадают.

говорит и послесловие к притче, в котором абстрактный автор дает облик самому себе. При этом он вполне ясно высказывает свою аксиологию эквивалентности – одно любимое дитя стоит целого космоса прошлого и будущего:

Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна не только всего прошлого, но и будущего. (116)

Повесть *Котлован* с наибольшей в искусстве определенностью излагает саму себя. Но, как в притче Кафки о законе, логика повествования абсурдна. Чем больше тревоги за любимое, потеря которого равна лишению памяти, то есть и жизни, тем хуже для социалистического поколения! Будущее не искупляется жертвенной смертью ни одного ребенка. А искусство, как и девочка рассказанного мира, переживает именно свою смерть. Притча *Котлован* есть притча о повествовании котлована и о котловане повествования. И *Котлован* наиболее совершенная повесть Платонова о безгласном слове:

Искусство должно умереть – в том смысле, что его должно заменить нечто обыкновенно человеческое; человек может хорошо петь и без голоса, если в нем есть особый сущий энтузиазм жизни. (Платонов 1988, 580)

А этот «энтузиазм жизни» – точный перевод бергсоновского „*élan vital*“ в русскую религию искусства Платонова. Притча *Котлован* есть повесть о преодолении текста. Парадокс в том, что в религии искусства Платонова текст преодолевается именно текстом.

Л и т е р а т у р а

- Авербах, Л. 1929. «О целостных масштабах и частных Макарах», *На литературном посту*, 21/22 и Октябрь, 1929, 11.
- Александров, А. [А. Киселев] 1970. «О повести «Котлован» А. Платонова», *Грани*, 77, 134-143.
1993. *Андрей Платонов Исследования и материалы: Сборник трудов*, Под ред. Т.А. Никоновой, Воронеж.
- 2001-2002. *Andrei Platonov: Special Issue*, Ed. by Angela Livingstone. Vol. 1-2. Keele University, (*Essays in Poetics. The journal of the British-Formalist circle*, vol. 26-27).
- Баршт, К.А. *Поэтика прозы Платонова*, Санкт-Петербург.
- 2005. *Поэтика прозы Платонова*, ² Санкт-Петербург.
- 2007. «Истина в круглом и жидком виде. Анри Бергсон в „Котловане“ Андрея Платонова», *Вопросы философии*, 4, 144-157.
- Бахтин, М. 2003. «Автор и герой в эстетической деятельности», *Собрание сочинений*, Т. 1, Москва, 69-263.
- 2003а. Лекции и выступления М.М. Бахтина 1924-1925 в записях Л.В. Пумпянского, *Собрание сочинений*, Т. 1, Москва, 326-342.
- Бобрин, М. 1995. «Заметки о языке Андрея Платонова», *Wiener Slawistischer Almanach*, 32, 165-191.
- Богданов А. А. 1913-1922. *Всеобщая организационная наука (тектология)*, (Ч. I-III) Москва.
- Бочаров, С. 1994. «Вещество существования (Выражение в прозе)», Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубина (ред.), *Андрей Платонов. Мир творчества*, Москва, 10-46.
- Бродский, И. 1973. «Предисловие», Андрей Платонов, *Котлован*, Ann Arbor, 5-7.
- Булыгин, А.К., Гушин А.Г. 1997. *Плач об умершем боге. Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован»*, Санкт-Петербург.
- Верин, В. 1989. «От веры – к прозрению», *Литературная газета*, 35, 30 авг., 6.
- Вьюгин, В.Ю. 1995. «Платонов и анархизм (К постановке проблемы)», «*Страна философов*» Андрея Платонова: *Проблемы творчества*, Вып. 2, Москва, 101-113.
- 2000. «„Чевенгур“ и „Котлован“: Становление стиля Платонова в свете текстологии», «*Страна философов*» Андрея Платонова: *Проблемы творчества*, Вып. 4, Москва, 605-624.
- 2004. *Андрей Платонов: поэтика загадки. Очерк становления и эволюции стиля*, Санкт-Петербург.
- Геллер, М. 1982. *Андрей Платонов в поисках счастья*, Париж.
- 1999. *Андрей Платонов в поисках счастья*, Москва.
- Гюнтер, Х. 1995. «Котлован и Вавилонская башня», «*Страна философов*» Андрея Платонова: *проблемы творчества*, Вып. 2, Москва, 145-151.
- 2004. «Аллегорические структуры в „Котловане“ А. Платонова», *Russian Literature*, 107-119.
- Достоевский, Ф. 1973. «Преступление и наказание», *Полное собрание сочинений*, Т. 6.

- Дубинская, Т., Джамелов, Т. (ред.) 1999. «Грех перед нечистым: Неизвестное письмо А. Платонова Сталину», *Новая газета в Воронеже*, 1-7 марта, 14.
- Дужина, Н. 2008. «Вымысел, основанный на реальности. Приметы сталинского быта в повести А. Платонова „Котлован“», *Вопросы литературы*, 2, 79-114.
- Золотаносов, М. 1994. «„Ложное солнце“: „Чевенгур“ и „Котлован“ в контексте советской культуры 1920-х годов», *Андрей Платонов. Мир творчества*, Москва, 246-283.
- Исупов, К.Г. 1992. «А. Платонов: философия исторического творчества», *Русская эстетика истории*, Санкт-Петербург, 98-118.
- Казарина, Т.В. 1992. «Универсально-космическое и личное в романе А. Платонова „Чевенгур“», *Воронежский край и зарубежье. А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века*, Воронеж, 35-39.
- Калениченко, О. 2000. «Мифологема строительной жертвы в повести „Котлован“», *«Страна философов» А.Платонова: проблемы творчества*, Вып. 4, Москва, 600-605.
- Карасев, Л. 1995. «Вверх и вниз. (Достоевский и Платонов)», *«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества*, Вып. 2, Москва, 168-184.
- Касаткина, Е. 1995. «Прекращение вечности времени», или Страшный Суд в котловане (Апокалиптическая тема в повести „Котлован“)», *«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества*, Вып. 2, Москва, 181-190.
- Коваленко, В. 1995. «Язык свободы у Достоевского и Платонова», *«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества*, Вып. 2, Москва, 201-208.
- Колесова, Д.В. 1994. «Актуализация фольклорных фигур речи в тексте Платонова (на материале повести «Котлован»)», *Судьбы отечественной словесности XI-XX веков*, Санкт Петербург, 41-42.
- Крючков, В.П. 1998. «Вошев и его поиски вещества существования. О символике имени главного героя повести А. Платонова „Котлован“», *Литература в школе*, 7, 63-66.
- Кубо, Х. 1997. «Сектантские мотивы в „Чевенгуре“ Андрея Платонова», *Acta Slavica Iaponica*, 71-79.
- Лангерак, Т. 1995. *Андрей Платонов: Материалы для биографии 1899-1929 гг.*, Amsterdam.
- Левин, Ю.И. 1991. «От синтаксиса к смыслу и далее (о „Котловане“ А. Платонова)», *Вопросы языкознания*, 1, 170-173.
- Ленин, В. 1970. «Секретарю редакции Энциклопедического словаря», *Полное собрание сочинений*, Т. 48, Москва, 295.
- Лосский, Н.О. 1922. *Интуитивная философия Бергсона*, Петроград, (1-ое издание Санкт-Петербург 1914).
- Любушкина, М.А. 1995. «Платонов-сюрреалист („14 красных избушек“)», *«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества*. Вып. 2, Москва, 114-125.

- Любушкина, Ш. 1988. «Идея бессмертия у раннего Платонова», *Russian Literature*, XXIII, 397-424.
- Мальгина Н.М. 1992. *Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920-1930 годов*. Автореф. Дисс. д-ра фил. Наук Моск. пед. ун-т., Москва.
- 1993. «„Котлован“ в общественно-литературной ситуации на рубеже 20-30-х годов», *Андрей Платонов. Исследования и материалы*, Воронеж, 55-60.
- 1998. «... спастись навеки в пропасти котлована», *Русская словесность*, 4, 36-41.
- 1995. «Диалог Платонова с Достоевским», «*Страна философов*» Андрея Платонова: проблемы творчества, Вып. 2, Москва, 185-200.
- Меерсон, О. 2001. «Свободная вещь». *Поэтика неостранения у Андрея Платонова*, Berkeley 1997, Новосибирск.
- Маркштайн, Э. 1994. «Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии», *Андрей Платонов в 2 кн.*, Москва, Кн. 2, 284-302.
- Митина, О.А. 1992. «Миф и символ в жанровой структуре антиутопии А. Платонова „Котлован“», *Размышления о жанре*, Москва, 56-66.
- Михеев, М.Ю. 2003. *В мир А. Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки*, Москва.
- Мякшева, О.В. 2000. «Языковые средства, формирующие пространство, их роль в художественной организации текста: Повесть А. Платонова „Котлован“», А.И. Ванюков (ред.), *Русская литературная классика XX века: В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов*, Саратов, 67-77.
- Николенко, О.Н. 1992. *Художественная модель мира и человека в трилогии А.П. Платонова «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»*, Полтав. гос. пед. ин-т им. В.Г. Королева, Полтава.
- Нонака, С. 2004. «О силлеспесе в „Котловане“ Платонова», *Творчество Андрея Платонова*, Вып. 3, Санкт-Петербург.
- Павловский, А.И. 1991. «Яма. О художественно-философской концепции повести Андрея Платонова „Котлован“», *Русская литература*, 1, 3-20.
- Паньков, Н. 2007. «М.М. Бахтин и теория романа», *Вопросы литературы*, 3, 252-315.
- Пастушенко, Ю. 1995. «Поэтика смерти в повести „Котлован“», «*Страна философов*» Андрея Платонова: проблемы творчества, Вып. 2, Москва, 191-197.
- Платонов, А. 1973. *Котлован*, App Arbor.
- 1982. *Впрок*, Нью Йорк.
- 1988. *Государственный житель*, Москва.
- 1988а. *Заметки. Бог человека*, Подгот. текста и комм. Ш. Любушкиной. *Russian Literature*, XXIII, IV, 432.
- 1994. «Дар жизни», *Домовой*, 4, 41.
- 2000. *Котлован. Текст, материалы творческой истории*, Санкт-Петербург.
- 2000а. *Записные книжки. Материалы к биографии*, Публ. М.А. Платоновой. Сост. Н.В. Корниенко, Москва.

- 2003. [Чтобы стать гением будущего], *Собрание рассказов*, Т. 5, Würzburg, 28.
(<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=284>) (6.8.2008).
- 2005. *Котлован*, Санкт-Петербург.
- 2006. *Котлован. Анализ текста. Основное содержание. Сочинения*, (7-мое издание), Москва.
- Пускунова, В., С. Пускунов, 1998. «Сокровенный Платонов. К выходу на свет романа „Чевенгур“, повестей „Котлован“ и „Ювенильное море“», *Литературное обозрение*, 1, 17-29.
- Подорога, В. 1989. «Евнух души. Позиции чтения и мир Платонова», *Вопросы философии*, 3, 21-26.
- 2003. «Врата и двери. Две архитектуры», *Отечественные записки*, 2 (10) Тема номера: Правосудие в России:
www.strana-oz.ru/?article=492&numid=11. (7.9.2008)
- Полтавцева, Н.Г. 1981. *Философская проза Андрея Платонова*, Ростов на Дону.
- Попов, К. 1991. «Идейно-художественная значимость слова (о слове *тишина* в произведениях А. Платонова „Котлован“, „Ювенильное море“, „Чевенгур“)», *Русский язык в СССР*, 3, 29-33.
- Пришвин, М. 1990. «„Когда били колокола ...“ (Из дневников 1926-1932 годов)», *Прометей. Историко-биографический альманах*, Москва, Т. 16, 411-422
- Проскурина, Е.Н. 2001. *Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х—30-х годов (на материале повести «Котлован»)*, Новосибирск.
- 2003. «Вещество – вещь – предмет в поэтике Платонова („Котлован“ и „Счастливая Москва“)», *«Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества*, Вып. 5, Москва.
- Ристер, В. 1988. «Имя персонажа у Платонова», *Russian Literature*, 2, 133-146.
- Свительский, В.А. 1988. «Восполненное слово. Вернуться на дорогу, ведущую в храм. (О повести А. Платонова „Котлован“)», *Подъем*, 5, 136-140.
- 1993. «Факты и домысли: О проблемах освоения Платоновского наследия», *Андрей Платонов. Исследования и материалы: Сборник трудов*, Под ред. Т.А. Никоновой, Воронеж, 80-102.
- Сейфрид, Т. 1994. «Писать против материи: о языке „Котлована“ А. Платонова [1989]», *Андрей Платонов. Мир творчества*, Москва, , 303-319.
- 1993. «Платонов как прото-соцреалист», *«Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества*, [Вып. I] Москва, 145-154.
- 1994. «Писать против материи: о языке „Котлована“ Андрея Платонова», *Андрей Платонов. Мир творчества*, Москва, 303-319.
- Семенова, С. 1979. «„В усилии к будущему времени...“: Философия Андрея Платонова», *Литературная Грузия*, 11, 104-121.

- 2001. «Философский абрис творчества Платонова», *Русская поэзия и проза 1920-1930-х гг. Поэтика – Видение мира – Философия*, Москва, 471-506.
- Скобелев, В.П. 1992. «„Романное мышление“ в рассказах и повестях Андрея Платонова 20-х годов», *Russian Literature*, XXXII, 6-12.
- 1993. «Поэтика пародирования в повести А. Платонова „Котлован“», *Андрей Платонов. Исследования и материалы*, 6, Воронеж, 61-71.
- Сталин, И. 1929. «Год великого перелома. К XII годовщине Октября», *Правда*, 7 ноября 1929 г.
- 1930. «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», *Правда*, 2 марта 1930.
- Толстая-Сегал, Е. 1979. «Натурфилософские темы в творчестве А. Платонова 20-х - 30-х годов», *Slavica Hierosolymitana*, V-IV, 223-254.
- 1980. «Литературный материал в прозе А. Платонова», *Возьми на радость. To Honour Jeanne van der Eng-Lidmeier*, Amsterdam, 193-264.
- 1994. «Идеологические контексты Платонова», *Платонов. Мир творчества*, Москва, 47-83.
- Турбин, В. 1965. «Мистерия Андрея Платонова», *Молодая гвардия*, 7, 193-307.
- Федякин, С. 1995. «„Воображаемая логика“ Николая Васильева в повестях „Эфирный тракт“ и „Котлован“, «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества, Вып. 2, Москва, 207-214.
- Ханзен-Леве, О. 2001. *Русский формализм*, Москва.
- Харитонов, А.А. 1993. *Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова „Котлован“*, Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург.
- 1995. «Архитектоника повести А. Платонова „Котлован“», *Творчество Андрея Платонова*, Санкт-Петербург, 70-90.
- 1995а. «Система имен персонажей в поэтике повести „Котлован“», «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества, Вып. 2, Москва, 152-172.
- Ходель, Р. 1998. «Угlossия – косноязычие, объективное повествование – сказ (К началу романа „Чевенгур“)", R. Hodel und J.P. Locher (Hrg.), *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*, Bern, 149-160.
- Чалмаев, В. 1989. *Андрей Платонов (К сокровенному человеку)*, Москва.
- 1998. «Андрей Платонов как языковая личность. Динамика монолога в «стратегических фрагментах его повествований (Чевенгур)», *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*, Bern, 55-74.
- Чекоданова, К.К. 1991. «Образ сферической Вселенной у Андрея Платонова», *Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель*, СПб., 211-218.
- Шанский, Н.М. (ред.) 1982. *Этимологический словарь русского языка*, Том II, Вып. 8. Москва.
- Шиленко, А. 1994/1995. «„Котлован“ А. Платонова: опыт синтаксической реконструкции семантики», *Slavonica*, т. 22, Nr. 1, 10-28.
- Шимак-Рейфер, Я. (Szymak-Reiferowa, J.) 1994. «В поисках источников платоновской прозы. Заметки переводчика», *Новое литературное обозрение*, 9, 269-275.

- 1995. «О иконографических и литературных источниках прозы Андрея Платонова», *Slavia Orientalis*, T. XLIV, Nr. 1, 89-101.
- Шкловский, В. [Речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей], *Первый всесоюзный съезд советских писателей*, Москва 1934, 154-155.
- 1969. «Искусство как прием», *Texte der russischen Formalisten*, Bd. 1, München, 24-26.
- Шубин, Л. 1987. *Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет*, Москва.
- Эпштейн, М. 2006. «Язык бытия у Андрея Платонова», *Вопросы литературы*, 2, 146-165.
- Bergson, H. 1889. *Essai sur les Données immédiates de la Consicence*, Paris, (русский перевод 1911).
- 2004. *Matière et mémoire. Essai sur la relation du corps à l'esprit*, Paris.
- 2007. *L'évolution créatrice*, Paris.
- Bloch, E. 1954-1959. *Das Prinzip Hoffnung*, 3 Bde., Frankfurt a.M.
- Bobach, R. 2004. „Zur Geschichte der Grundsteinlegung“, *Acta Ethnographica Hungarica*, V. 49, Nrs. 1-2, 59-99.
- Catteau, J. 1984. „De la Métaphorique des utopies dans la littérature russe et de son traitement chez Andrej Platonov“, *Revue des Études Slaves*, V. 56, Nr. 1, 39-50.
- Debüser, L. 1989. „Platonows Romanwelt“, A. Platonow, *Die Baugrube. Das Juvenilmeer. Dshan. Romane*, Berlin, 407-459.
- Deleuze, G. 1966. *Le bergsonisme*, Paris.
- Deleuze, G., F. Guattari, 1991. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris.
- Dhooge, B. 2007. „Andrej Platonov's «Deviating Language»: Towards a Text-immanent Approach“, D.S. Danaher, K. Van Heuckelom (Hg.), *Perspectives on Slavic Literatures*, Amsterdam, 161-161.
- Drubek-Meyer, N. 1994. „Das Motiv der Höhle in Platonovs Werken (1929-1934): маточное место“, *Die Welt der Slaven*, N. F XVIII, 2, 251-276.
- Erlich, V. 1994. „Utopia as Apocalypse: The Anguished Quest of Andrej Platonov“, *Modernism and Revolution. Russian Literature in Transition*, Cambridge, 178-197.
- Grübel, R. 2000. „Der sublimale Schein planender und geplanter Wirklichkeit und die Realität der Täuschung in Nabokovs Roman «Die Verzweigung» (Otčajanje): zur Wahrheit der Lüge im ästhetischen Sinne“, I. Smirnov (Hg.), *Hypertext Otčajanje, sverchtekst Despair* (=Die Welt der Slaven, Sb. 9), München, 71-102.
- 2004. „Der heiße Tod der Revolution und das kalte Ende der sowjetischen Kommune. Mythopoetik und Neue Sachlichkeit in Andrej Platonovs negativer Utopie «Čevengur»“, M. Baßler, E. Knaap (Hg.), *Die (k)alte Sachlichkeit. Herkunft und Wirkungen eines Konzepts*, Würzburg, 41-59.
- 2006. „Gabe und Opfer. Axiologische Perspektiven in der russischen Kultur der Moderne“, R. Grübel, G.-B. Kohler (Hg.), *Gabe und Opfer in der russischen Literatur und Kultur der Moderne* (Slavica Oldenburgensia, 13), Oldenburg, 1-81.

- 2008. „Abstraktion und Hypostase. Das Artefakt als Ding im Konstruktivismus Aleksej Čičerins“, Anke Henning/Georg Witte (Hg.), *Das dementierte Ding* = Wiener Slawistischer Almanach, Sb. 71, Wien, 197-247.
- 2008a. „Performanzkunst, Erzählkunst und Wortkunst: die drei Medien der Literatur“, R. Grübel/W. Schmid (Hg.), *Wortkunst, Erzählkunst, Bildkunst. Festschrift für Aage A. Hansen-Löve*, München, S. 38-54.
- Günther, H. 1993. „Das Goldene Zeitalter aus dem Bauch. Die Utopieproblematik bei Dostoevskij und Platonov“, *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 53, 157-168.
- 1998. «Юродство и ум как противоположные точки зрения у А. Платонова», R. Hodel und J P. Locher (Hg.), *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*, Bern, Berlin, Frankfurt u.a., 117-131.
- Hansen-Löve, A. 1982. „Zur Poetik der ‚Realisierung‘ und ‚Entfaltung‘ semantischer Figuren zu Texten“, *Wiener Slawistischer Almanach*, 10, 197-252.
- Hansen-Löve, K. 1994. *The structure of space in Platonov's "Kotlovan", The evolution of space in Russian Literature. A spatial reading of 19-th and 20-th century narrative literature*, Amsterdam, 129-154.
- Hodel, R. 1996. „Zum historischen Autor A. Platonov (Christus- und Vatermotiv in den Voronežer Jahren)“, *Wiener Slawistischer Almanach*, Sb. 41, 355-380.
- 2001. „Erlebte Rede bei Andrej Platonov. Von ‚V zvezdnoj pustyne‘ bis ‚Čevengur‘“, *Slavische Literaturen*. Bd. 23, Frankfurt a.M.
- Kafka, F. 1970. „Der Bau“, *Sämtliche Erzählungen*, Frankfurt a.M.
- Livingstone, A. 2002. „Danger and Deliverance: Reading Andrei Platonov“, *The Slavonic and East European Review*, Volume 80, Number 3, 401-416.
- Mann, Th. 1991. *Joseph und seine Brüder. Der erste Roman. Die Geschichte Jaakobs*, Frankfurt a.M.
- Markstein, E. 1978. „Der Stil des ‚Unstils‘: Andrej Platonov“, *Wiener Slawistischer Almanach*, 2, 115-144.
- Meerson, O.S. 1991. *Dostoevsky and Platonov: The importance of the omitted*, (Ph. dissertation, Columbia University.)
- Mørch, A.J. 1997. *The Novelistic Approach to the Utopian Question: Platonov's „Čevengur“ in the Light of Dostoevskij's Anti-Utopian Legacy*, Oslo.
- Nietzsche, F. 1980. „Also sprach Zarathustra“, *Sämtliche Werke. Studienausgabe*, Bd. 15, Berlin.
- Platonov, A. 1989. „Die Baugrube. Übersetzt von Werner Kämpfe“, *Die Baugrube. Das Juvenilmeer. Dshan. Romane*, Berlin, 5-166.
- Podoroga, V. 1991. „The Eunuch of the Soul: Positions of Reading and the World of Platonov“, *The South Atlantic Quarterly*, 90, 2, 357-408.
- Schelling, F.W.J. 1856. „System des transzendentalen Idealismus (1800)“, *Sämtliche Werke*, Bd. 1, 3, Stuttgart.
- Seifried, Th. 1984. *Linguistic devices in the prose of Andrei Platonov*, Ann Arbor.
- Vasmer, M. 1953. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 3, Heidelberg.